

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИСЧЕЗАЮЩЕМ ЯЗЫКЕ

А. Е. МАНЬКОВ

В связи с происходящим в наше время катастрофическим сокращением числа живых языков наиболее актуальной задачей лингвистики является сбор фактического материала (документирование) и описание тех языков, которые находятся под угрозой исчезновения. Из проблематики, связанной с исчезающими языками, значительный интерес с собственно лингвистической точки зрения представляют структурные изменения, характерные для них. Общий вопрос формулируется так: что происходит с фонетикой, морфологией, синтаксисом и словарем исчезающего языка? Исчезающий язык является в определенном смысле лабораторией, в которой процессы эволюции языка могут наблюдаться в момент их совершения. При этом необходимо разграничивать изменения, вызванные внутрисистемными факторами, и те изменения, которые вызваны экстралингвистическими факторами, связанными с условиями существования языка. В статье рассматривается лингвистическая ситуация в селе Старошведское (Gammalsvenskby) и приводятся примеры из шведского диалекта села.

Документирование исчезающих языков как основная задача современной лингвистики

Исчезающим языком (англ. endangered language) является тот язык, число носителей которого приближается к нулю. Это может быть связано либо со смертью последних носителей, либо со сменой языка (language shift), когда область его применения все более сужается, вследствие чего никто не может пользоваться данным языком ни в каком контексте (language obsolescence).

Список живых языков мира в настоящее время состоит из 6909 названий¹. Соотношение этого числа языков с числом населения Земли крайне непропорционально: более половины людей в мире распределяется между 20 крупнейшими языками. В целом, по расчетам Д. Кристалла, 96% населения Земли говорит лишь на 4% языков. Соответственно, лишь 4% людей говорит на 96%². По пессимистической оценке, в течение XXI в. 90% языков мира либо исчезнут, либо будут близки к исчезновению³, по «оптимистическому» же прогнозу, к 2100 г.

Выражаю благодарность директору Российско-шведского центра РГГУ Т. А. Топтендаль-Салычевой, без чьего содействия данное исследование было бы невозможно.

¹ Austin P., Sallabank J. Introduction // The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge, 2011. P. 3.

² Crystal D. Language Death. Cambridge, 2000. P. 14.

³ Crauss M. The World's Languages in Crisis // Hale K., Crauss M., Watahomigie L., Yamamoto A., Craig C., Jeanne L. V. M., England N. Endangered Languages // Language. Vol. 68 (№1), 1992. P. 7.

исчезнет половина языков мира⁴. Происходящая сейчас катастрофа, заключающаяся в исчезновении языков, является общемировой и, следовательно, беспрецедентной по своей глобальности. Однако в отличие от других бедствий она происходит незаметно и не привлекает к себе широкого внимания, в том числе со стороны лингвистов. Между тем, для языкознания исчезновение живых языков означает, в частности, потерю его важнейшего предмета изучения. Первоочередным (и минимальным!) ответом лингвистов на эту ситуацию является документирование и лингвистическое описание малых и исчезающих языков. Конечно, само по себе документирование не спасает язык от исчезновения, однако это лучше, чем ничего: недокументированный язык исчезает **бесследно** и **навсегда**, тогда как документирование означает, что язык теряется хотя бы не бесследно.

Катастрофа исчезновения языков была уже достаточно давно осознана наиболее дальновидными языковедами. В 1997 г. выдающийся австралийский лингвист Р. Диксон писал: «Самая важная задача лингвистики сегодня — на самом деле, единственная действительно важная задача — это взять на себя труд выйти в поле и описывать языки, пока это еще возможно... Если бы каждый изучающий лингвистику (а также каждый преподаватель) в настоящее время работал хотя бы над одним языком, требующим изучения, перспективы полной документации исчезающих языков (пока эти языки еще не исчезли) были бы радужными. Сомневаюсь, что хотя бы один лингвист из двадцати занят этим»⁵.

В современной лингвистике приходится сталкиваться со стремлением к созданию новых подходов, теорий и интерпретаций; добросовестная работа с фактическим материалом в таком контексте неизбежно перестает быть приоритетом. Чувства Диксона, высказанные в приведенной цитате, понятны: изучение исчезающих языков — это, прежде всего, получение и введение в научный оборот нового фактического материала. Если же акцент делается на теоретизирование, полевая лингвистика и документация исчезающих языков теряют питательную почву. Диксон перечисляет 20 (!) лингвистических теорий, возникших на Западе во второй половине XX в. (6 из них связаны с Хомским), и замечает, что если теории генерируются и сменяют друг друга с такой скоростью, это является признаком того, что лингвистика находится в состоянии «off balance»⁶. Таким образом, при современном положении дел наиболее актуальной задачей лингвистики является описание тех языков, которые находятся под угрозой исчезновения. Это изучение включает в себя следующие базовые этапы: организация экспедиций к местонахождениям исчезающих языков; интервьюирование носителей с целью максимально тщательного и полного сбора фактического материала по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике; составление грамматик и словарей и введение их в научный оборот.

⁴ Crystal D. Op. cit. P. 19.

⁵ Dixon R. M. W. *The Rise and Fall of Languages*. Cambridge, 1997. P. 144, 137. Отдельные высказывания Диксона, сделанные в этой книге, нельзя признать справедливыми; эти высказывания, впрочем, не связаны с рассматриваемой здесь темой и касаются глубинной лингвистической реконструкции и ностратики. Ни в коей мере не разделяя взгляды Диксона на ностратiku, мы вполне согласны с его высказываниями об описании исчезающих языков как о наиболее актуальной задаче современной лингвистики.

⁶ Ibid. P. 131.

Диалект села Старошведское: общие сведения

Несмотря на то что в Европе находится только 3% языков мира⁷, неописанные языки и диалекты есть даже здесь. В 2004 г. в селе Змиевка в Херсонской области нами был обнаружен шведский диалект, современное состояние которого не было исследовано. Это село (которое в XIX в. называлось Старошведское) было основано в 1782 г. переселенцами с острова Дагё в Балтийском море. Родным языком основателей села был не литературный шведский того времени, а диалект о. Дагё, который является одним из шведских диалектов Эстонии. Таким образом, диалект Старошведского восходит к диалекту о. Дагё. По русским источникам, число первопоселенцев составляло 880 человек⁸, перед революцией в селе было 718 шведов⁹. В настоящее время общее число лиц, хотя бы в минимальной степени владеющих диалектом, не превышает 20 человек. Все носители консервативного варианта диалекта — женщины не моложе 70 лет.

Современное Старошведское — это большое и не вымирающее село, однако оно до сих пор является сравнительно труднодоступным и изолированным. В результате первой экспедиции стало ясно, что диалект сохранился как целостная языковая система и что его обнаружение является крупным лингвистическим открытием. Нами была поставлена задача подробного описания диалекта. Работа началась с выбора информантов для построения базовой грамматики, были проведены беседы со всеми носителями. Основным критерием при этом была степень стабильности словоизменения и объем словаря. Характерной чертой лингвистической ситуации в Старошведском является то, что носители диалекта неоднородны с точки зрения языковой компетенции. Отсутствие единообразия языковой компетенции — частая черта коллектива носителей исчезающего языка.

Основными типами, которые выделяются в литературе, являются *fluent speakers*, *semi-speakers*, *terminal speakers*¹⁰, т.е. носители с языковой компетенцией высокого, среднего и низкого уровня. Носители с высоким уровнем компетенции также называются «консервативными». В нынешнем Старошведском имеются все эти типы носителей. Вариант диалекта тех, у кого родители были шведами и кто говорил на диалекте как на основном языке в детстве, отличается от варианта тех, у кого родители (или один из родителей) не были шведами и кто, соответственно, не говорил на диалекте в детстве. Первую группу составляют носители с высоким уровнем языковой компетенции; их вариант диалекта определяется, таким образом, как консервативный. Представители второй группы овладели диалектом в качестве второго или третьего языка. Они являются носителями со средним уровнем языковой компетенции. Кроме лингвистических соображений

⁷ Азия — 33%, Африка — 30%, Океания — 19%, Северная и Южная Америка — 15% (Cambridge Handbook of Endangered Languages, p. 5).

⁸ *Писаревский Г.* Переселение шведов с острова Даго в Новороссийский край. По документам Государственного архива // Русский Вестник. 1899. Кн. 3. С. 249.

⁹ Список населенных мест Херсонской губернии по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Издание Херсонской Губернской Земской Управы. Александрия, 1917. С. 126.

¹⁰ *Dorian N.* The Problem of the Semi-Speaker in Language Death // International Journal of the Sociology of Language. 1977 (12). P. 23–32; *Grinevald C., Bert M.* Speakers and Communities // The Cambridge Handbook of Endangered Languages. P. 49–51.

при выборе информантов, не могли не приниматься в расчет и личные качества: контактность, наличие свободного времени, способность внятно отвечать на задаваемые вопросы, четкость произношения (следует учитывать, что носители — пожилые люди). К счастью, те носители, которые в наибольшей степени соответствуют лингвистическим критериям, оказались наилучшими информантами и с точки зрения личных качеств.

Наша полевая работа вплоть до 2012 г. заключалась в интервьюировании следующих трех носителей: Анна Семёновна Лютко, Лидия Андреевна Утас, Мелитта Фридриховна Прасолова. Они владеют наиболее консервативным (можно сказать, наиболее «экстремальным») вариантом диалекта. Большинство форм, фраз и повествований получено от Л. А. Утас. Она обладает уникальной памятью: по ее собственным словам, многие из названных ею слов она последний раз слышала или употребляла более полувека назад. При этом в большинстве случаев она легко называет словоформы, необходимые для построения парадигм, и дает примеры употребления слов. Кроме того, записанные нами повествования носителей о старых временах часто имеют историческое и культурологическое значение. К настоящему времени опубликовано базовое описание фонетики и морфологии консервативного варианта диалекта.

Следует, однако, иметь в виду, что описание консервативного (или «радикального») варианта диалекта дает далеко не полную картину его состояния. В действительности мы имеем не единый диалект, общий для всех носителей и подобный стандартному литературному языку, а целый ряд вариантов диалекта, которые различаются чрезвычайно существенно. Чтобы получить более полное представление о реальном состоянии диалекта, необходимо исследование всех его вариантов. В ходе экспедиции 2012 г. мы приступили к изучению диалекта среднекомпетентных носителей. Основным информантом стала Эмма Утас (далее ЭУ). Ее мать была немкой, отец шведом, однако он рано умер, поэтому основным языком ЭУ в детстве был немецкий. Шведский диалект был освоен ею после войны, в ходе устного общения с его носительницами. В село регулярно приезжают группы шведов-туристов (в летние месяцы приблизительно раз в две недели); носители диалекта, в том числе ЭУ, общаются с ними, поэтому стандартный шведский язык также знаком ей.

Проблема структурных изменений в исчезающем языке

Из проблематики, связанной с исчезающими языками, наибольший интерес с собственно лингвистической точки зрения представляют структурные изменения, характерные для них. Общий вопрос формулируется так: что происходит с фонетикой, морфологией, синтаксисом и словарем исчезающего языка? Дело в том, что между исчезающим языком и «обычным» языком существует определенное структурное различие, которое связано со скоростью изменений, происходящих в фонологии, морфологии, синтаксисе и словаре исчезающего языка. Те изменения, которые в «нормальных» условиях обычно занимают столетия, в исчезающем языке могут произойти за несколько лет¹¹. Мы пришли к

¹¹ См. примеры и их обсуждение в: *Palosaari N., Campbell L. Structural Aspects of Language*

выводу, что исчезающий язык является в определенном смысле лабораторией, в которой процессы эволюции языка могут наблюдаться в момент их совершения. Некоторые из этих изменений могут интерпретироваться как «стандартные», т. е. в принципе они могут иметь место в любом языке; другие структурные изменения представляются характерными лишь для исчезающего языка. При этом необходимо учитывать следующее: сам по себе факт, что язык является исчезающим, не подразумевает того, что он обязательно должен претерпевать быстрые структурные изменения. Изменения характерны не для всех без исключения носителей. Структурные изменения, которые, возможно, являются характерными для языка, находящегося в состоянии исчезновения, следует, по-видимому, искать в первую очередь у носителей со средним уровнем языковой компетенции. Однако установить направление эволюции можно только исходя из сравнения с консервативным вариантом языка/диалекта, являющимся «точкой отсчета». Существование носителей разного уровня компетенции способствует решению этой задачи, т. к. дает возможность сравнения.

Диалект Старошведского в этой связи представляет собой благоприятный для исследования материал, так как в селе имеются носители с разным уровнем компетенции, а это создает основу для сравнения различных вариантов диалекта и позволяет изучать структурные изменения в нем. Что касается специфики языка консервативных и менее консервативных носителей, то сразу бросается в глаза различие в стабильности словоизменения и в объеме словаря. Высокая степень морфологического варьирования и узость исконного словаря (которая компенсируется посредством других языков — немецким, русско-украинским и стандартным шведским) — это основные черты менее консервативных носителей. По нашим наблюдениям, степень стабильности и сохранности морфологии и словаря зависит в целом от того, насколько значительной была роль диалекта в повседневном общении в детстве.

Еще один важный фактор, который имеет значение для языковой структуры, — это то, что диалект Старошведского находился и находится в ситуации контакта с русско-украинским, немецким и стандартным шведским. Эта ситуация, как кажется, отражается прежде всего на среднекомпетентных носителях, поскольку пробелы во владении диалектом должны компенсироваться из других источников. Конкретные явления в диалекте Старошведского, вызванные этой ситуацией, требуют особого исследования¹².

Из особенностей грамматики среднекомпетентных носителей следует прежде всего указать на высокую частотность случаев свободного варьирования. Свободное варьирование в морфологии означает, что одно и то же грамматическое значение выражается несколькими формами, которые являются взаимозаменяемыми и употребляются без какой-либо закономерности. Свободное варьи-

Endangerment // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. P. 100–116; *Campbell L., Muntzel M. C. The Structural Consequences of Language Death* // N. Dorian (ed.). *Investigating Obsolescence: Studies in language contraction and death*. Cambridge, 1989. P. 181–196. Ср. постановку проблемы в: *Crystal D.* Op. cit. P. 22–23.

¹² Обзор общих вопросов, связанных с теми последствиями контакта, которые важны для исчезающих языков, см. в статье: *O'Shannessy C. Language Contact and Change in Endangered Languages* // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. P. 78–99.

рование имеется и у консервативных носителей, однако в целом употребление форм у них является достаточно предсказуемым. У среднекомпетентного же носителя употребление той или иной формы перестает быть предсказуемым. При этом по сравнению с консервативными носителями количество форм не только не сокращается, а увеличивается. В качестве примеров рассмотрим следующие сегменты морфологии: личные местоимения, инфинитив и презенс слабых глаголов типа 1a и 1b, императив. Кроме этого, назовем некоторые явления из области лексики, которые характерны для интервью с ЭУ.

1. Изменения в системе личных местоимений

Сравним консервативную систему личных местоимений с личными местоимениями из интервью с ЭУ.

Личные местоимения у консервативных носителей¹³ («сил.» — сильная форма, «сл.» — слабая форма):

	Ед. ч.			Мн. ч.		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Субъект	<i>ja</i>	сил. <i>to</i> ; сл. <i>-de</i>	м.: сил. <i>han</i> ; сл. <i>-en/-n</i>	<i>ve</i>	<i>ne</i>	сил. <i>tom</i> ; сл. <i>-dom</i>
Объект	<i>me</i>	сил. <i>te</i> ; сл. <i>-de</i>	ф.: сил. <i>hon</i> ; сл. <i>-on</i> п.: сил. <i>he</i> ; сл. <i>-e</i>	<i>os(s)</i>	<i>jār</i>	

Личные местоимения у ЭУ:

	Ед. ч.			Мн. ч.		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Субъект	<i>ja</i>	сил. <i>to, te</i> ; сл. <i>-de, -te</i>	м.: <i>han</i>	<i>ve, me</i>	<i>ne, no</i>	сил. <i>tom</i> ; сл. <i>-dom</i>
Объект	<i>me</i>	<i>tō, de, dō</i>	ф.: <i>hon</i> п.: сил. <i>he</i> ; сл. <i>-e</i>	<i>os(s)</i>	<i>jār</i>	

Местоимения «ты», «он», «она», «оно», «они» имеют сильную и слабую фонетическую форму. Сильная форма используется в начале предложения (независимо от фразового ударения) и, как правило, в ударном положении, слабая форма является энклитикой. Эти закономерности были установлены нами на материале интервью с консервативными носителями. Несмотря на то что в их речи встречаются случаи употребления сильных форм на месте слабых, распределение сильных и слабых форм прослеживается достаточно четко (в противном случае данные закономерности вообще не были бы нами замечены и сформулированы). Что касается интервью с ЭУ, то в них также имеются примеры консервативного использования местоимений 'ты' (в субъектной форме), 'оно' и 'они'¹⁴: *Tō_{сил.} fōr kamm titt hōr* 'Тебе надо причесать волосы'; *Ko kūka-~~de~~_{сл.}?* 'Что ты варишь?'; *He_{сил.} blikstār o donar-e_{сл.}* 'Сверкает молния и гремит гром' <*He blikstār o dunar-e*>; *Tom_{сил.} grāv kade flar* 'Они копают картошку'; *Kott kroka dom_{сил.}?* 'Куда они лезут?'. Однако очень часто сильные формы употребляются на месте слабых: *Ko*

¹³ Подробности см. в статье: Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: материалы к описанию прилагательных и местоимений // Вестник ПСТГУ: Филология. № 3 (25). М., 2011.

¹⁴ Здесь и далее в угловых скобках приводятся соответствующие формы и фразы из консервативного варианта диалекта.

gitsä-to? ‘О чем ты думаешь?’ <*Ko gitsa-de?*>; *Hund kan bit tō* ‘Собака может тебя укусить’ <*Hund kan bit-de*>; *Ko kostar he?* ‘Сколько это стоит?’ <*Ko kvustar-e?*>; *Kofère hindra tom me?* ‘Что они мне мешают?’ <*Komfère hindä-dom me?*>. Местоимения ‘он’ и ‘она’ вообще не встретились в слабой форме в проведенных с ЭУ интервью.

Наряду с употреблением сильных форм вместо слабых, в интервью с ЭУ имеются формы, возникшие вследствие контаминации сильной и слабой формы, а именно: **1)** *te* ‘ты’ в сильной форме (вместо *tō*) вследствие контаминации *tō* и *-de*: *Te ska änt kлага!* ‘Не жалуйся!’ <*Ḳḷoa änt!*>; употребление *ska* в таком контексте нехарактерно для консервативных носителей>; *Te kan fūrķīla to* ‘Ты можешь простудиться’ <*To kan fūrķīla-de*>. **2)** *te* в слабой форме (вместо *-de*): *Kofère gāvā-te iḷa svar?* ‘Почему ты не отвечаешь?’ <*Komfère svora-de ant?*>; *Kofère salta-te so hole?* ‘Зачем ты так сильно солишь?’ **3)** *do* в объектной форме вследствие контаминации *-de* и *tō*: *Go roka dō!* ‘Иди купайся!’

Наконец, в интервью с ЭУ имеются формы, возникшие вследствие разнообразных контаминаций и употребляемые наряду с консервативными формами: **1)** *me* ‘мы’ вследствие контаминации диал. *ve* ‘мы’ и рус. *мы*: *Me brās pankukar* ‘Мы печем блины’; *Me bosa vatn* ‘Мы греем воду’. **2)** *sō* вследствие контаминации *se* и *tō*: *Kofère frāida-tō sō?* ‘Чего ты радуешься?’ <*Komfère frāida-de-de?*>. **3)** *nō* вследствие контаминации *ne* и *tō*: *Kofère fraida se no?* ‘Чего вы радуетесь?’ <*Komfère frāida-ḷe jar?*>. Все эти контаминированные формы отсутствуют у консервативных носителей.

Как видим, система личных местоимений ЭУ существенно отличается от консервативной системы. Базовое отличие заключается в том, что, несмотря на случаи консервативного употребления, закономерности распределения форм являются намного менее жесткими.

2. Изменения инфинитива и презенса глаголов 1-го спряжения (типы 1a и 1b)

В консервативном варианте диалекта глаголы этих типов имеют в инфинитиве и презенсе формы, образующиеся по следующим образцам¹⁵:

Тип	Инфинитив и мн. ч. презенса	Ед. ч. презенса
1a	<i>boka</i> ‘печь’	<i>boka-r</i>
	<i>vānt</i> ‘ждать’	<i>vānt-ar</i>
1b	<i>klīstār</i> ‘белишь’	<i>klīstr-ar</i>

В интервью с ЭУ глаголы типа 1a в инфинитиве и презенсе практически не отступают от консервативной модели и сохраняют относительное единообразие форм.

Примеры форм инфинитива из интервью с ЭУ: *boka* ‘печь’, *bosa* ‘греть’, *knōa* ‘месить’ (наряду с *kno*), *kora* ‘окучивать’, *kroka* ‘лезть, ползать’, *loa* ‘готовить’, *mōla* <*mola*> ‘молоть’ (форма *mōla* появилась из-за ассоциации с *mōl* ‘мука’; в

¹⁵ Маньков А. Е. Словоизменение глаголов в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ: Филология. № 2 (28). М., 2012.

презенте ед. ч. ЭУ называет традиционную форму *molar*, мн. ч. *mōla*), *roka* ‘мыть-ся, купаться’, *skoła* ‘чистить, снимать кожуру’, *skoa* ‘смотреть’, *smoka* ‘пробовать’, *toła* ‘говорить’. Глагол *njola* ‘штопать’ <*nōl*> перешел в этот тип из 1b спряжения. Зафиксированными на данный момент отступлениями от традиционной формы являются инфинитивы *kno* и *skokka* <*skoka*> ‘трясти’.

В презенте ед. ч. традиционные формы были названы у глаголов *boka*, *bosa*, *knoa*, *kora*, *kroka*, *loa*, *skoła*, *skoa*, *smoka*, *toła*: *bokar* и т.д. Другие формы презенса (инфинитивы этих глаголов не были названы): *donar* <*dunar*> (‘греть, о греть’), *golar* (‘кукарекать’). Отступления от традиционной формы в презенте ед. ч. немногочисленны: 1) вместо ед. ч. употреблена форма мн. ч.: *Ja roka me kvar dagen* ‘Я моюсь каждый день’; *Ja njola hup kapetar* ‘Я штопаю носки’; 2) окончание *-ar*: *Ja knoär dai* ‘Я замешиваю тесто’. У глагола ‘месить’ кроме форм *knoar* и *knoär* была названа форма *knājär*.

Презент мн. ч. в консервативном варианте диалекта у глаголов типа 1a совпадает с инфинитивом; так же у ЭУ. Отступлением являются единичные случаи употребления формы ед. ч. там, где должна быть форма мн. ч.: *Tom honana tom golar* <*gola*> ‘Петухи кукарекают’; *Ve korar* <*kora*> *kade flar* ‘Мы окучиваем картошку’.

Тип 1b, к которому у консервативных носителей относится большинство глаголов, вопреки ожиданиям является у ЭУ намного менее устойчивым. У глаголов, относящихся сюда, наблюдаются значительные отступления от консервативной модели, а именно: окончание *-a* в инфинитиве и в презенте мн. ч. (вместо нулевого); окончание *-är* в презенте ед. ч., которое взято из 2-го и 3-го спряжений; частое употребление форм множественного числа там, где должно быть единственное число, и наоборот. При этом, однако, сохраняется довольно много консервативных морфологических форм. Приведем примеры названных явлений.

Традиционными формами инфинитива глаголов типа 1b в интервью с ЭУ являются: *arbet* ‘работать’, *dans* ‘танцевать’, *dail* ‘делить’, *gräv* ‘копать’, *flēt* <*flēt*> ‘плести’, *fold (umt)* ‘подшивать’, *fräis/fräist* <*fräist*> ‘примерять’, *gift* ‘травить’, *gift ö* ‘отравить’, *hakk* ‘полоть’, *hisk* <*hikst*> ‘икать’, *hitt* ‘находить’, *kamm* ‘причесывать’, *kuk* ‘варить’, *mölk* ‘доить’, *napp* ‘собирать’, *rup* ‘звать’, *sall* ‘гнать’, *salt* ‘солить’, *skri* ‘кричать’, *släft* ‘резать скот’, *tapp (bott)* ‘терять’, *vask* ‘стирать’. Примеры предложений с такой формой инфинитива: *Ja jär rädd de slaft gässana* ‘Я боюсь резать гусей’; *Ja for mölk küda* ‘Мне надо подоить корову’; *Ve go more hakk kade flar* ‘Завтра мы будем полоть картошку’.

Примеры окончания *-a* в инфинитиве: *Ve gö more färuga* <*färg*> *vägga* ‘Мы завтра будем красить стены’; *Te for änt hindra* <*hindär*> *hon* ‘Тебе нельзя ей мешать’; *Ja muste söga* <*sög*> *ot me värke* ‘Мне надо напилить себе дров’; *Ja för süpa* <*süp*> *godn* ‘Мне надо подмести двор’; *Ja for salda* <*säld*> *girm möl* ‘Мне надо просеять муку’. Другие примеры: *fria* <*fri*> (наряду с *frü*) ‘сватать’, *färkila* <*färkil*> ‘простудиться’, *kampa* <*kamp*> ‘греть, стучать’, *klistra* <*klistär*> ‘белишь’, *spütta* <*spütt*> ‘плевать’, *söüma* <*söüm*> ‘шить’, *torrka* <*torrk*> ‘сушить’, *vatna* <*vatn*> ‘поливать’.

Примеры традиционной морфологической формы презенса ед. ч. (с окончанием *-ar*): *arbetar*, *blauzlar* (‘стирать белье с синькой’), *blinkar* (‘моргать’), *blondar*

<blondar> ('смешивать'), *darrar* ('дрожать'), *dombar* ('пылить'), *duppar* ('макать'), *färgar* ('красить'), *giftar o* ('отравить'), *gni[ç:]lar* ('скулить'), *gravar* ('копать'), *hop-sar* ('прыгать'), *kampar* ('стучать'), *klukkar* <*klukstar*> ('квохтать'), *knurrar* ('хрюкать'), *kukar* ('варить'), *kostar* <*kvüstar*> ('стоять'), *lunkar* ('хромать'), *njaukar* <*mjaukar*> ('мякать'), *mölkar* ('доить'), *plukkar* <*plukkar*> ('собирать ягоды'), *rüttnar* ('гниль'), *salt* ('солить'), *sláftar* ('резать скот'), *supar* ('подметать'), *slurur* ('слоняться без дела'), *tappar bofl* ('терять'), *tarvar* ('нуждаться'), *torrkar* ('сушить'), *vaskar* ('стирать'), *vantar* ('ждать').

Отступления ед. ч. от традиционной формы:

1) окончание *-är*: *blikstär* <*blikstar*> ('сверкать, о молнии'), *buär* <*butar*> ('лечить'), *fletär* <*fletar*> ('плести'), *frjár* <*frjár*> ('сватать'), *fraisar* <*fraistar*> ('примерять'), *gitsär* ('думать'), *gáispär* <*gáispar*> ('зевать'), *skriär* <*skriär*> ('кричать'), *släppär* <*släpar*> ('тащить'), *sogär* <*sogar*> ('пилить'), *söümär* <*söümar*> наряду с *söümar* ('шить'). В формах *dailär*, *skrivar* (от *dail* 'делить', *skriv* 'писать') окончание *-är* может быть исконным;

2) вместо ед. ч. употреблена форма мн. ч. на *-a*: *Te färkila se* <*färkila-de*> 'Ты простудишься'; *Han hindra me mesáint* <*hindrar*> 'Он мне все время мешает'; *Ja vatna nö gist rigodn* <*vatnar*> 'Я сейчас поливаю огород'.

Во мн. ч. традиционная форма с нулевым окончанием встречается довольно редко. Примеры: *Tom bu bra* <*but*> 'Они хорошо лечат'; *Tom fráis rokknar* <*fráist*> 'Они примеряют платья' (формы *bu*, *fráis* возникли вследствие восприятия *-t* как окончания претерита); *Tom grav kadeflar* 'Они копают картошку'; *Tom kuk supp* 'Они варят суп'; *Kofere skri dom?* 'Чего они кричат?'

Отступления презенса мн. ч. от традиционной формы:

1) окончание *-a* вместо нулевого: *Tom dansa kvar kveldn* 'Они танцуют каждый вечер'; *Tom arbета hēr* 'Они работают здесь'; *Kofere fráida se nö?* <*fráid ne jár*> 'Чего вы радуетесь?'; *Hēr gifta se folk má brámmen* <*gift*> 'Здесь люди травятся водкой'; *Ve sláfta more patta* <*sláft*> 'Мы завтра зарежем утку'; *Tom tarva inatij änt* <*tarv*> 'Им ничего не нужно'. Примеры таких форм мн. ч. многочисленны;

2) окончание *-ar*, употребленное во мн. ч.: *Ne färkilar jar* <*färkil*> 'Вы простудитесь'; *Hinse tom klukkar* <*klukst*> 'Куры, они квохчут'; *Svina knurrar* <*knürr*> 'Свиньи хрюкают'; *Tom go o sallar küdnar* <*sall*> 'Они идут и гонят коров'; *Ko tarva tom?* <*Ko tarv dom?*> 'Что им нужно?'; *Kadeflar rüttnar* <*rüttn*> 'Картошка гниет' (в этом случае форма ед. ч. у глагола вызвана влиянием русского);

3) окончание *-är*, употребленное во мн. ч.: *Küär brillär* (нем. *brüllen*; исконное слово — *röüt*) 'Коровы мычат'; *Ve sjöngjär* <*sjöngj*> *svänska salmar to kuma svänska hit* 'Мы поем шведские псалмы, когда сюда приезжают шведы'.

Употребление формы ед. ч. на месте формы мн. ч. и наоборот имеет важное последствие для грамматической категории числа. У консервативных носителей различение ед. и мн. ч. в презенсе является устойчивым, неразличение и смешение форм ед. и мн. ч. воспринимается ими как ошибка. У ЭУ, судя по имеющемуся на данный момент материалу, преобладают случаи, когда ед. и мн. ч. различаются (даже если их формы перестроены). Однако имеется значительное число примеров совпадения чисел, причем в этом случае может обобщаться как форма единственного, так и множественного числа.

Примеры различения ед. и мн. числа: *Ko frogar han?* ‘Что он спрашивает?’ ~ *Tom froga me* ‘Они меня спрашивают’ (шв. *fråga*; исконная диалектная форма — *froa*, тип 1a); *Ja loar middan* ‘Я готовлю обед’ ~ *Ve loa middan* ‘Мы готовим обед’; *Ko skoa-de’po me?* ‘Что ты смотришь на меня?’ ~ *Ko skoa dom?* ‘Что они смотрят?’; *Ja smokar suppa* ‘Я пробую суп’ ~ *Tom smoka välij* ‘Они пробуют суп’; *Ja tolar’po tisk* ‘Я говорю по-немецки’ ~ *Ve tola tikkle’po tisk* ‘Мы часто говорим по-немецки’; *Hon arbetar ter* ‘Она работает там’ ~ *Tom arbeta her* ‘Они работают тут’; *Ko fere fraida-tö sö?* ‘Чего ты радуешься?’ ~ *Ko fere fraida se no?* ‘Чего вы радуетесь?’; *Te färkila se* ‘Ты простудишься’ <*Te färkila-de*> ~ *Ne färkilar jar* ‘Вы простудитесь’ <*Ne färkil jar*>; *Ja stivär upp bittle* ‘Я рано встаю’ ~ *Tom stiv upp saint* ‘Они поздно встают’; *Ja väit änt* ‘Я не знаю’ ~ *Ve vita änt* ‘Мы не знаем’.

Примеры совпадения ед. и мн. ч.; обобщена форма ед. ч.: *Honan golar* ‘Петух кукарекает’ ~ *Tom honana tom golar* ‘Петухи кукарекают’; *Ja korar kade’flar* ‘Я окучиваю картошку’ ~ *Ve korar kade’flar* ‘Мы окучиваем картошку’. Обобщена форма мн. ч.: *Nö gist kora ja kade’flar* ‘Я сейчас как раз окучиваю картошку’ ~ *Ve kora no kade’flar* ‘Мы окучиваем сейчас картошку’; *Ja roka me kvar dagen* ‘Я моюсь каждый день’ ~ *Tom roka se kvar daen* ‘Они купаются каждый день’; *Han hindra me mesáint* ‘Он мне все время мешает’; *Ko fere hindra han hon?* ‘Чего он ей мешает?’ ~ *Tom hindra me* ‘Они мне мешают’; *Ko fere hindra tom me?* ‘Что они мне мешают?’

3. Изменения формы императива

У консервативных носителей императив устойчиво различает форму ед. и мн. ч. Форма ед. ч. имеет нулевое окончание и совпадает с инфинитивом, окончанием мн. ч. императива является *-e*. Формы императива в интервью с ЭУ характеризуются рядом существенных преобразований. Наиболее устойчивой, как и следовало бы ожидать, является форма ед. ч. Традиционная форма мн. ч., наоборот, является редкостью, вместо нее регулярно употребляется форма ед. ч. Противопоставление ед. и мн. ч. во многих примерах сохраняется не за счет окончаний, а за счет добавления местоимения *ne* ‘вы’ во мн. ч. Имеются, однако, случаи полного неразличения ед. и мн. ч. в императиве (как в стандартном шведском). Наконец, существенной особенностью является частое употребление описательной конструкции с глаголом *ska* вместо синтетического императива, причем конструкции такого типа называются в ответ на просьбу перевести русскую синтетическую форму императива. Подобное употребление *ska* не встречается в интервью с консервативными носителями.

Примеры традиционной морфологической формы ед. ч. императива: *Bosa vatn* ‘Нагрей воды!’; *Kroka e källan o hänt kade’flar!* ‘Лезь в подвал и достань картошки!’; *Pätt bott’pänna!* ‘Спрячь деньги!’; *Däil sundär’po hälpatt* ‘Подели пополам!’; *Gits sole!* ‘Думай сам!’; *Jag üt katta fron stüe!* ‘Выгони кошку из комнаты!’; *Radd änt o hon!* ‘Не пугай ее!’; *Skiff unde de!* ‘Подвинься!’; *Sup hup godn!* ‘Подмети двор!’; *Ja tarvar mölk, hänt ot me mölk!* ‘Мне нужно молоко, принеси мне молока!’; *Bräs pankukar!* ‘Испеки блинов!’; *Glimm änt bott de kumma!* ‘Не забудь прийти!’; *Smär brē mä smēr!* ‘Намажь хлеб маслом!’; *Stäiv upp bittlare!* ‘Встань раньше!’ Другие примеры: *arbet* ‘работай’, *bind fast* ‘привяжи’, *bittal* <*bital*> ‘заплати’, *bränn upp*

‘сожги’, *drikk* ‘пей’, *färg* ‘покрась’, *go* ‘иди’, *grot ant* ‘не плачь’, *gav* ‘дай’, *hitt* ‘найди’, *håis inn* ‘начерпай’, *håll inn* ‘налей’, *hölp* ‘помоги’, *kep* ‘купи’, *kumm* ‘приходи’, *kuk* ‘свари’, *lēs* ‘замкни’, *lon* ‘займи’, *laiv o* ‘перестань’, *läss* ‘читай’, *rup* ‘позови’, *ränn* ‘беги’, *sjöl* ‘продай’, *skriv* ‘напиши’, *skār* ‘режь’, *still* ‘покорми’, *sto* ‘стой’, *strāi* ‘посыпь’, *sitt* ‘сиди’, *sätt* ‘сажай’, *su* ‘спи’, *ta* ‘бери’, *tru* ‘верь’.

Отступлением от традиционной модели ед. ч. императива являются формы с отпавшим *-a* у глаголов типа 1a: *bok* ‘пеки’ (вместо *boka*), *krokk* ‘лезь’ (наряду с *kroka*), *fro* <*froa*> ‘спроси’, *lo* <*loa*> ‘приготовь’, *ska* <*skaa*> ‘смотри’, *smok* ‘попробуй’ (наряду со *smoka*).

Примеры традиционной формы мн. ч. императива (с окончанием *-e*): *Arbete!* ‘Работайте!’, *Glimme änt bott de kep mölk* ‘Не забудьте купить молока!’, *Kepe mölk!* ‘Купите молока!’, *Göje roka ne!* ‘Идите купайтесь!’ Вместо традиционной формы во мн. ч. регулярно называется форма с нулевым окончанием, т. е. *boka* (вместо *bokae*), *kroka* <*krokae*>, *skoła* <*skolae*>, *smoka* <*smokae*>, *tola* <*tolae*>, *dail* <*daile*>, *färg* <*fäрге*>, *skriv* <*skrive*>, *hitt* <*hitte*>. Имеются также примеры с окончанием *-a* во мн. ч. императива (под влиянием стандартного шведского): *Kuka ne supp!* ‘Сварите суп!’, *Hindra me ant!* ‘Не мешайте мне!’

Как говорилось, консервативные носители последовательно противопоставляют формы ед. и мн. ч., как в презенсе, так и в императиве. ЭУ также стремится сохранить это противопоставление (несмотря на то, что сами по себе эти формы очень часто являются перестроенными). Примеры: *Bok brē!* ‘Испеки хлеб!’ ~ *Boka ne bre* ‘Испеките хлеб!’, *Patt bott päññana!* ‘Спрячь деньги!’ ~ *Patte bott tom päññana!* ‘Спрячьте деньги!’, *Krokk (inn) e källan!* ‘Лезь в подвал!’ ~ *Kroka ot källan!* ‘Лезьте в подвал!’, *Go roka do!* ‘Иди купайся!’ ~ *Göje roka ne!* ‘Идите купайтесь!’, *Skol kade flar!* ‘Чисть картошку!’ ~ *Skola ne kade flar!* ‘Почистите картошку!’, *Skō hitt!* ‘Смотри сюда!’ ~ *Skōa ne hitt!* ‘Смотрите сюда!’, *Smok ān āin goññ suppa!* ‘Попробуй еще раз суп!’ ~ *Smoka ne väliñ!* ‘Попробуйте суп!’, *Skār brē!* ‘Нарежь хлеб!’ ~ *Skārte brē!* ‘Нарежьте хлеб!’ (с окончанием *-te* < рус. *-me*); *Kūk supp!* ‘Свари суп!’ ~ *Kūka ne supp!* ‘Сварите суп!’, *Sū!* ‘Спи!’ ~ *Sōa!* ‘Спите!’ В приведенных примерах различие ед. и мн. ч. является синтетическим.

Примеры различения чисел посредством добавления *ne* ‘вы’ во мн. ч.: *Grāv kade flar!* ‘Копай картошку!’ ~ *Grav ne kade flar!* ‘Копайте картошку!’, *Skoā hitt!* ‘Смотри сюда!’ ~ *Skoā ne hitt!* ‘Смотрите сюда!’, *Smoka ān āin goññ suppa!* ‘Попробуй еще раз суп!’ ~ *Smoka ne väliñ!* ‘Попробуйте суп!’, *Tola po tisk!* ‘Говори по-немецки!’ ~ *Tola ne po tisk!* ‘Говорите по-немецки!’, *Skriv brēven ot me!* ‘Напиши мне письмо!’ ~ *Skriv ne tikklare ot me!* ‘Пишите мне чаще!’, *Riv pürkana!* ‘Потри морковку!’ ~ *Riv ne pürkana!* ‘Потрите морковку!’, *Däil sundär po hālpatt!* ‘Подели пополам!’ ~ *Däil ne po hālpatt!* ‘Поделите пополам!’, *Hitt he!* ‘Найди это!’ ~ *Hitt ne he!* ‘Найдите это!’

Наконец, имеются отдельные примеры полного отсутствия различия ед. и мн. ч. в императиве: *Hindra me änt!* ‘Не мешай мне!’ ~ *Hindra me änt!* ‘Не мешайте мне!’, *Kroka e källan!* ‘Лезь в подвал и достань картошки!’, *Kroka änt hitt!* ‘Не лезь сюда!’ ~ *Kroka ot källan!* ‘Лезьте в подвал!’, *Kroka änt hitt!* ‘Не лезьте сюда!’.

Примеры описательных конструкций со *ska*: *Tē ska änt klāga!* ‘Не жалуйся!’, *Ne ska änt klāga!* ‘Не жалуйтесь!’, *Tō ska änt färkīlas!* ‘Не простудись!’, *Ne ska brās*

prankukar! ‘Испеките блинов!’; *Ne ska skola kadeðlar!* ‘Почистите картошку!’; *Ne ska änt ráð o dom!* ‘Не пугайте их!’; *Te ska änt skrí!* ‘Не кричи!’ ~ *Ne ska änt skrí!* ‘Не кричите!’

4. Некоторые особенности лексики

Основной чертой интервью с ЭУ является ограниченность диалектного словаря. Ниже перечислены глаголы, которые, судя по проведенным к настоящему времени интервью, ей либо совершенно неизвестны, либо не входят в активный словарь и не называются в ответ на просьбу перевести их (список далеко не полный): *bost* ‘мазать (кистью)’, *bukkas* ‘бодаться’, *bölm* ‘взбалтывать’, *bürr* ‘жужжать’, *bün/bünas* ‘нарывать’, *daft* ‘болтать’, *daftiñ* ‘болтать’, *damp* ‘хвалить’, *damp se* ‘хвастаться’, *dí* ‘сосать молоко’, *finn/tfinn* ‘скручивать две нитки в одну, сучить; опутывать’, *fíl* ‘точить напильником’, *flín (se)* ‘морщиться’, *flots* ‘ляпать’, *flott//flottas* ‘болтаться’, *flakke* ‘разделять рыбу’, *flánt* ‘тяжело дышать’, *fall* ‘ронять’, *glís* ‘скалить зубы’, *gnägge* ‘ржать’, *svora* ‘отвечать’, *fárlót* ‘прощать’, *gnál* ‘ворчать’, *havjas* ‘подниматься (о тесте)’, *kláps* ‘шелкать, слегка ударять’, *knall* ‘шелкать кнутом’, *korest* ‘делать уборку’, *len* ‘таять’, *narr* ‘дразнить’, *nikk* ‘дремать’, *ñjork* ‘квакать’, *prüt (inn)* ‘заваривать’ (в этом значении используется только *kuk*), *ráig (upp) se* ‘расстроиться’, *roüt* ‘мычать’, *skjöle* ‘полоскать’ (известен только глагол *vask* ‘стирать’), *slákke* ‘гасить’, *smitt* ‘мазать (глиной); штукатурить’, *spronj* ‘бегать, о животных’ (используется только *ränn*), *stírke* ‘крахмалить’, *stáit* ‘спотыкаться’, *stall* ‘ставить’, *sunn o* ‘уснуть’ (только *soa*: *Han suär rái* букв. «он уже спит» в ответ на просьбу перевести «он уже уснул»; *Ja kann änt soa* букв. «я не могу спать» как перевод «я не могу уснуть»).

В интервью с консервативными носителями наряду с глаголом, имеющим более общее значение (гипероним), употребляются глаголы с более узкими значениями (гипонимы). В имеющихся интервью с ЭУ существует тенденция к употреблению только гиперонима. Так, у консервативных носителей основным глаголом в значении «закрывать» является *sáte fast*, наряду с ним используется *hoka fast* со значением ‘закрывать на крючок’: *Ja hoka dänna fast* ЛУ ‘Я закрыла дверь на крючок’. ЭУ называет только первый глагол: *Ja satt fast dänna’po hakken* ‘Я закрыла дверь на крючок’. Наряду с *bigge* ‘строить’ консервативные носители используют *mí(ä)r* ‘строить стену’ (т. е. строить из кирпичей): *Tom míð múr upp* ЛУ ‘Они построили забор (из кирпичей)’. ЭУ называет только *bigge*: *Tom bigg vág(j)a* ‘Они построили стену’. В интервью с консервативными носителями встречается глагол *flái* ‘подниматься (о воде при паводке)’. Этот глагол неизвестен ЭУ, вместо него используются *väks* и *tā upp se*: *Vatn väksär* ‘Вода поднимается’ («растет»); *Vatn tu upp se* ‘Вода поднялась’. То же относится к глаголам *rinn* ‘течь’ и *läke* ‘протекать (например, о крыше)’: ЭУ использует только первый глагол: *Täke rinndär* ‘Крыша протекает’. У консервативных носителей наряду с глаголом *bind* ‘связывать’ встречается глагол *bändl* ‘вступать в связь, связываться’ (*bändl hup se, bändl de hup se*): *Han bändla hup se me-on* ЛУ ‘Он с ней связался’; *Konntjöl bändla han de hup se me-on?* ЛУ ‘Зачем он с ней связался?’ ЭУ называет в этом значении более распространенный глагол *bind*: *Kofére band hon hup se mä än slikkär drukkendär?* ‘Зачем она связалась с таким пьяницей?’

Другой чертой интервью с ЭУ является употребление описаний там, где консервативные носители могут использовать особый глагол (который, судя по имеющемуся материалу, неизвестен ЭУ). Так, например, вместо глагола *svora* 'отвечать' ЭУ использует выражение «давать ответ»: *Kofére gävä-te ija svar?* 'Почему ты не отвечаешь?' В ответ на просьбу перевести предложение «что он ответил?» дается фраза *Ko sa han?* 'Что он сказал?' Вместо глагола *hita* 'греть' — выражение «делать теплым»: *Ja har vatn gjuṭ häitt* 'Я нагрела воды'. Вместо глагола *ir* 2 'мести, о снеге', хорошо знакомого консервативным носителям, ЭУ называет выражение «падает снег»: *Snju falldär*. Ср. предложение из интервью с ЛУ, где *ir* употреблен в претерите и в перфекте: *He iḍ all stigar fast, he snid o iḍ, o har all stigar fast-iḍ* ЛУ 'Замело все тропинки, шел снег и мело, и полностью замело все тропинки'. Вместо глагола *haḷ* 1b 'идти, о граде' ЭУ называет *haḷ kumär* (консервативным вариантом было бы *he halar*). Вместо *hust* 1b 'кашлять' — «иметь кашель»: *Ja har husten, min haṣ värkar* 'У меня кашель, болит горло'.

Разграничение внутренних и внешних факторов лингвистических изменений

Документирование языка, находящегося под угрозой исчезновения, является сравнительно новой сферой лингвистики. Поэтому при изучении исчезающего языка (и, в частности, диалекта села Старошведское), приходится сталкиваться с явлениями и процессами, мало описанными в литературе. При их фиксации и осмыслении неизбежно возникает вопрос, как их следует характеризовать. Прежде всего, мы считаем, необходимо разграничивать изменения, вызванные внутрисистемными факторами, и изменения, которые вызваны экстралингвистическими факторами, т. е. различными внешними причинами, связанными с условиями существования языка. Например, новообразования в результате аналогии или контаминации возникают в любом языке и сами по себе не обязательно вызваны недостаточным владением языком. С другой стороны, резкое увеличение количества новообразований, находящихся в свободном варьировании, может быть вызвано экстралингвистическими факторами.

Диалект Старошведского, в отличие от закрепленного нормой стандартного литературного языка, далек от единообразия и представлен рядом разновидностей, существование которых вызвано, прежде всего, разным уровнем языковой компетенции носителей. Диалект не следует воспринимать как привычный литературный язык и ограничиваться изучением его консервативного варианта, расценивая отступления от консервативных форм как неправильности в традиционном смысле.

Что касается рассмотренных выше примеров морфологического варьирования, следует отметить, что при всем разнообразии его случаев в нем участвует ограниченное число морфологических элементов. Так, в варианте диалекта среднекомпетентного носителя при образовании презенса в варьировании участвуют следующие окончания: *-r*, *-ar*, *-är*, *-a* и нулевое. Все эти морфемы имеются и в консервативном варианте и сами по себе не являются специфическими для какой-либо группы носителей. Контаминации в рассмотренных выше слу-

чаях также возникают из ограниченного числа элементов, которые известны как консервативным, так и среднекомпетентным носителям. Именно закрытость списка базовых морфем позволяет в данном случае говорить о вариантах одного диалекта/языка, а не о разных диалектах/языках. В рассмотренных примерах из морфологии отличие консервативных носителей от среднекомпетентных заключается прежде всего в большей предсказуемости употребления форм у первых и в снижении этой предсказуемости у вторых.

В заключение подчеркнем, что сейчас преждевременно делать какие-либо окончательные выводы и создавать общую теорию структурных изменений в исчезающих языках. Основной задачей является интервьюирование всех типов носителей с целью как можно более полного сбора фактического материала.

Ключевые слова: исчезающие языки, документирование исчезающих языков, лингвистические изменения, морфологические изменения, морфологическое варьирование, контаминация, лексические изменения, консервативные носители, среднекомпетентные носители, село Старошведское, шведские диалекты.

THE PROBLEM OF STRUCTURAL CHANGE IN AN ENDANGERED LANGUAGE

A. MANKOV

Due to the ongoing process of rapid decrease in the number of spoken languages, the most important task of linguistics today is to document and describe endangered languages (Dixon 1997: 144; see also Crauss 1992; Crystal 2000). Among issues associated with endangered languages one of the most linguistically significant is structural changes taking place in such languages (Campbell, Muntzel 1989; Palosaari, Campbell 2011). The general question is: what is going on with phonetics, morphology, syntax and vocabulary of an endangered language?

Studying changes which take place in endangered languages, one should distinguish between those which are caused by internal factors and those caused by extralinguistic factors. For example, innovations which appear by analogy or due to contamination are found in any language and should not necessarily be caused by insufficient language competence. On the other hand, the rapid increase in the number of such forms and in the frequency of free variation (in morphology the situation when the same grammatical meaning is expressed by several forms which are interchangeable and occur without any regularity) may be caused by certain external factors.

The paper describes linguistic situation in the village of Gammalsvenskby, Ukraine, where a Scandinavian dialect is preserved by a number of elderly people. This dialect is represented by several varieties, which are accounted for by different levels of language competence of its speakers. The main types of speakers of endangered languages, dis-

tinguished on the basis of the language competence, are fluent speakers, semi-speakers, terminal speakers (Dorian 1977; Grinevald, Bert 2011); all these types are present in Gammalsvenskby. The dialect should not be likened to a uniform standard language, and its description should not be restricted to the most conservative variety. This variety serves as a starting point in the research, while material obtained from less conservative speakers provides opportunity for comparison and allows us to study structural changes taking place in the dialect. The paper discusses examples of change in the following segments of morphology: personal pronouns (cf. Mankov 2011), infinitive and present tense of weak verbs of types 1a and 1b (Mankov 2012), imperative; some characteristics of the vocabulary are examined as well. The basic feature of the less conservative speakers is high frequency of free variation. Free variation exists in the conservative variety of the dialect as well. However, the occurrence of forms there is quite predictable, whereas the occurrence of forms in the speech of less conservative speakers becomes unpredictable. Besides, not only does the number of forms not decrease, it increases. Despite the diversity of variation, only a limited number of morphemes take part in it. In the present tense the following endings take part in the variation: *-r*, *-ar*, *-är*, *-a*, *-Ø*. All these endings occur in the conservative variety as well and are not specific to any group of the speakers. The list of basic morphemes is restricted, which allows us to speak of the varieties of the same dialect, not of different dialects.

Keywords: endangered languages, documentary linguistics, linguistic change, morphological change, morphological variation, contamination, lexical change, fluent speakers of endangered languages, semi-speakers, Gammalsvenskby, Swedish dialects.

Список литературы

1. Austin P., Sallabank J. (eds.). *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge, 2011.
2. Campbell L., Muntzel M. C. 1989. *Investigating Obsolescence: Studies in language contraction and death*. Cambridge, 1989, pp. 181–196.
3. Crystal D. *Language Death*. Cambridge, 2000.
4. Crauss M. 1992. *Language*, no. 68, pp. 4–10.
5. Dixon R. M. W. *The Rise and Fall of Languages*. Cambridge, 1997.
6. Dorian N. 1977. *International Journal of the Sociology of Language*, no. 12, pp. 23–32.
7. Grinevald C., Bert M. 2011. *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge, 2011, pp. 45–65.
8. Mankov A. 2011. *Vestnik PSTGU*, no. 25, pp. 37–54.
9. Mankov A. 2012. *Vestnik PSTGU*, no. 28, pp. 7–25.
10. O'Shannessy C. 2011. *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge, 2011, pp. 78–99.
11. Palosaari N., Campbell L. 2011. *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge, 2011, pp. 100–119.
12. Pisarevskiy G. 1899. *Russkiy vestnik*, no. 3, p. 249.